

В одну из ночей в конце сентября бушевал ветер. Ломалась погода. И утром довелось в сквере шагать-хрустеть по веткам, а через большие и переступить. Поднял одну и увидел уже знакомый, сглаженный, как на кости в суставе, облом. Ясно, наступила пора ветвепада. У тополя и его сестрицы осины, у дуба и вяза (родичи по песне: «Из-под дуба, из-под вяза, из-под ивова коренья...»), да, кстати, и у некоторых ив тоже – время сброса части ветвей приходится на раннюю осень, когда на них ещё зеленеют листья. И оттого кажется этот повальный сброс загадочным. Особенно, если узнаёшь, что он не был внезапностью для деревьев, а подготавливался ими же самими ещё с лета. Зеленели, будучи обречёнными?!

Впервые об этом явлении узнал от покойного уже профессора-лесовода Ивана Семёновича Марченко. До того считал, как и все, что наблюдаю бедствие – ветер набедокурил. А профессор принёс как-то веточку, осиновою, кажись, показывает:

– Посмотри на место облома. Как шляпка шиферного гвоздя, гладкое и чуть выпуклое. Дерево только и дождалось, чтобы налетел ветер, раскачал и помог ему скорей освободиться от лишних веток. Я однажды посчитал ветви, сброшенные только одним тополем в селе Негино, запомнил, это было 27 сентября. Так знаешь столько? – выждал паузу для вящего впечатления: – Двести шестьдесят шесть! И все в том возрасте, когда только расти бы им и расти – от одного до десяти лет.

Смысл явления как будто понятен: не хиреть же всему дереву, если, допустим, не хватает в почве под ним питания, или в случае повреждения корней, либо ввиду грядущего за осенью-зимой засушливого лета (деревья знают: солнечные циклы – в их памяти). Руководствуясь высшей целесообразностью, дерево и сбрасывает часть ветвей ради процветания остальных: роль ваша сыграна, напитали меня углеродом, сами пожили, будьте добры, ступайте теперь с миром за кулисы жизни. Но это, что же, – есть, значит, у дерева центр целеполагания?

Иван Семёнович искал объяснение явлению преднамеренного ветвепада в существовании лесного биологического поля. (Подробнее о лесном биополе – в Третьей части книги). Именно полем, как режиссёром, посылался управляющий сигнал. Меня же больше интриговало иное: как созревало решение, кем вынашивалось, на каком языке формулировалось – такой-то ветке отмереть. Спротивлялась ли обречённая? Коль зеленела, то на что-то же ещё надеялась? Или сознательно жертвовала собою, до последнего часа работая на «зелёное братство»? Поле полем, но, в любом случае, решали двое – дерево и его ветвь.

...Между тем, когда я перешагивал в сквере через вороха отторгну-
тых деревьями их же родных кровинок, шёл ветвепад 1998 года, и ис-
полнялось два месяца со дня отторжения жизнью самого исследователя
лесного биополя. Умер так внезапно, что невольно я к нему же и при-
менил его гипотезу. Незадолго до смерти случился у нас примечатель-
ный разговор. Я был под впечатлением только что прочитанного романа
Леонида Леонова «Пирамида». Рассказываю Ивану Семёновичу об од-
ной из коллизий романа: природа устраняет почти докопавшегося до её
тайны тайн. Говорю: вам-де не страшно, что и вы подошли вплотную к
разгадке важнейшей тайны природы? Он тогда только рассмеялся, срав-
нение польстило ему...

(Как-то захотелось узнать, а занимается ли кто биополем и ветвепа-
дом в «лесном институте» после смерти Ивана Семёновича. Встреча-
юсь с лесоведом, доктором наук Василием Петровичем Тарасенковым,
зовём и работающего на кафедре сына марченковского – никто, даже
сын...

На прощанье Тарасенков дарит мне книгу, которую с большим инте-
ресом он сам прочитал, «Живи». А в ней первые страниц двадцать-трид-
цать – о ветвях. Но он же не знал, что я приду к нему с разговором о
ветвепаде! Увы-увы, нет уже и Василия Петровича. Тоже беззаветно от-
работал до дня последнего на зелёное братство брянских лесов).

Дома, в этот же(!) упомянутый сентябрьский день ветвепада, узнал
по телевизору и о смерти актёра-режиссёра Ролана Быкова. Передают
последнюю беседу с ним, и слышу:

– У дуба забота, чтоб всё дерево росло. У ветви дуба – прорваться к
солнцу. Когда я актёр, я весь рвусь к солнцу. Иное дело, когда я режис-
сёр...

Глядя-слушая телевизор, я обычно ещё и листаю книгу, заглядываю
в газету. Вот и в этот раз скользнул взглядом по книжным полкам. Но
потянулся почему-то к самой дальней, подпотолочной. Извлёк толстов-
ский «Круг чтения», тыщу лет в него не заглядывал. Тут же листнул,
продолжая слушать Быкова, и взгляд мимо воли выхватил мысли о том
же – о якобы разных целях отдельного и целого в Живом!

*«То, что мы сознаём себя существами, отделёнными от других, и
другие существа, отделёнными от себя и друг от друга, есть пред-
ставление, вытекающее из условий жизни во времени и пространстве.
Чем более уничтожается эта отдалённость, тем более мы признаём
своё единство со всеми живыми существами, и тем легче и радостнее
становится наша жизнь».* И далее он укрепляет свою мысль, как это
у него было заведено в «Круге чтений», текстами из Библии, из Марка
Аврелия и Паскаля... После чего заключает: *«сознание единства нашего
существа со всеми другими проявляется у нас любовью. Любовь есть
расширение своей жизни. Чем больше мы любим, тем обширнее, полнее
и радостнее становится наша жизнь».*

Мысль по-толстовски глубокая и дальняя – о человеке и человече-
стве. О человеке и обо всём сущем. Ну, а у нечеловека, у просто суще-
ства и у всего сущего, у них на чём связь? У дуба и ветви? – перекинулся
я на марченковско-быковское. Тоже на любви? К чему?

Всё же: а что выписал Лев Толстой для «Круга...» у Марка Аврелия? Читаю, ещё раз поражаясь совпадениям: *«Ветвь, отрезанная от своего сука, тем самым отделилась и от целого дерева... Но ветвь отсекается посторонней рукой, человек же отчуждает себя от ближнего своей ненавистью и злобой, не ведая, правда, что он тем самым отрывает себя от всего человечества»*. О естественности ветвепада ни Толстой, ни Аврелий, тем более, не ведали. Впрочем, они и писали-то прежде всего о человеке.

О том же и толстовские выписки из Послания апостола Павла к коринфянам: *«Тело же не из одного члена, но из многих... Поэтому страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены»*. Понятно: если бы актёр Быков сыграл плохо в фильме Быкова-режиссёра, пострадал бы и Быков-весь. Если бы ветвь, рвущаяся к солнцу, не подчинилась бы управляющему сигналу, не поздоровилось бы ни всему дубу, ни ей вместе с ним.

И вот, наконец, Паскаль: *«Человек часто думает, что он – всё, и не видя тела, от которого он зависит, думает, что он зависит только от самого себя, и хочет самого себя сделать центром и телом...»* Да! Это то, чем закончится антропоцентризм для здоровья матери-Природы. Но продолжим: *«...Когда же наконец человек доходит до понимания своего назначения, он как бы возвращается к себе, сознаёт, что он не всё тело, а только член всеобщего тела, что быть членом – значит иметь жизнь только через жизнь и для жизни всего тела... и что любить себя надо только для этого тела... Всякая больше этой незаконна»*.

Представить можно, как обрадовался Лев Николаевич этакому своему единомышленнику из предыдущего века!

А далее Паскаль высказывает сокровенное, чему, кажется, уже не успеть сбыться за короткий век отношений человека-веточки и человечества-ветви, человечества-ветви и природы-дерева (биосферы) как единого для всех нас тела, но что воплощено за сотни миллионов лет в высшей гармонии отношений членов каждого отдельного тела, в отношениях дуба и ветви его. *«Члены нашего тела, – восхищается Паскаль, – не чувствуют счастья своего соединения, своего удивительного согласия, не чувствуют того, как заботилась природа, внушив им дух согласия...»*

Согласие – лишь со-гласие, лишь со-глашение, договор, а не сама любовь. Естественным ли только отбором отредактирован текст этого соглашения, великого Договора?

Дерево родило ветвь, как мать – дитя. Но не дерево умерло для ветви, как, случается, жертвует собою мать ради своего ребёнка. Для неё ребёнок и есть то дерево, её продолжение, у подножия ствола которого она сама без раздумий по какому-то высшему согласию готова упасть подрубленной. Высшее здесь и есть любовь по Толстому.

Так это ещё у человека-особи. Но не у покорной ветви дуба. Не у муравья, нарочно, хотя и неосознанно увязающего в расплавленной зно-ем живице, чтобы по нему прошагала колонна братьев, оставляя его самого навек в янтаре. Да и не у славного некогда древнего Коринфа, погрязшего затем в разврате (в связи с чем и родилось апостольское послание его горожанам, но в назидание всем) и сожжённого, пришедшего

навек в упадок. Какая тут и к кому любовь?! Тем паче, тем паче – не у гибнущего целого народа, уступившего совсем не из со-гласия и тем более не по любви собственное жизненное пространство на всём северо-американском континенте.

Как знать, не доведётся ли и всему человечеству, по какому-то согласию, над-бытийному, в природе, уступить вот так же, или иначе как, своё пространство в околосолнечном мире? Живём покудова. А может, уже отдаём тем самым жизнь – через жизнь! – для Жизни в самом высоком смысле...

Вот так неожиданно сошлись у меня собеседниками из разных времён ушедшего двухтысячелетия – апостол Павел, император Аврелий, философ Паскаль, писатель Толстой, лесовод Марченко, актёр-режиссёр Быков... И – из разных пространств. Со времени посланий апостола Павла наша планета – с учётом того, что она, вращаясь вокруг Солнца, а Солнце – вокруг центра Галактики, который тоже не стоит, а несётся по Млечному Пути в расширяющейся Вселенной, – проделала немислимо сложный путь. И на этом пути словно бы рассеяны-поразбросаны, оставлены в разных точках пространства единомышленники. Как реперные точки, столбики. И то, что всех их, отстоящих и во времени, и на космически гигантских расстояниях друг от друга, объединяет одна и та же мысль – о дубе и его ветви, – не свидетельствует ли краше всего: жизнь едина, как древо-дуб, а мы все – только ветви её. И наш ветве-жизнепад нужен, чтобы продолжалась Жизнь.

г. Орёл